

1907 г.

Годъ IV

ПРАВОСЛАВНАЯ РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ

КИТАИ ОСНОВАНА ВЪ 1685 ГОДУ.

ИЗВѢСТІА БРАТСТВА

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

въ Китаѣ.

Православная духовная миссія учреждена въ Китаѣ, въ Пекинѣ, въ 1712 г.

Въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Петромъ I назначенъ 1-мъ Епископомъ въ Пекинъ Святитель

Иннокентій, нареченный Переславскимъ, 5 Марта 1721 года.

ИЗДАНИЕ

Братства Православной Церкви

въ Китаѣ.

Выпускъ 44-45.

Благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Александровичемъ назначенъ 1-мъ Епископомъ въ Китаѣ Преосвященнѣйшій Иннокентій, нареченный Переславскимъ, 25 Мая 1902 года.

Г. Пекинъ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссiи.

1907.

Православная Русская Церковь въ Китаѣ управляется Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ **Иннокентіемъ**, Епископомъ Переславскимъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, состоитъ Начальникомъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ.

Замѣщенія и вакансіи:

2 священника (или іеромонаха) съ содержаниемъ по 2500 руб. каждому	{ Двѣ вакансіи.
3 іеромонаха, съ окладомъ содержанія въ годъ каждому по 1800 рублей	{ 1. Архимандритъ Авраамій. 2. Іеромонахъ Симонъ. 3. Іеромонахъ Василій.
1 діаконь, съ содержаніемъ въ 2000 руб.	{ Вакансія.
2 псаломщика, по 1500 руб. каждому въ годъ	{ Ю. М. Васильевъ. Свящ. Павелъ Фигуровскій.
1 священникъ, съ окладомъ въ 250 рублей въ годъ	{ На этомъ окладѣ состоитъ священникъ-китаецъ Сергій Чанъ.
1 катихизаторъ, 200 рублей въ годъ	{ діаконь Михаилъ Минъ.
2 учителя китайскаго языка, по 150 рублей каждому въ годъ	{ 1. Иннокентій Жунъ. 2. Синъ Бао.

Церкви Духовной Миссіи:

- 1) Первоклассный Успенскій (бывшій Срѣтенскій) монастырь въ Пекинѣ, освященный въ 1732 году. Монастырь разрушенъ боксерами въ 1900 году. Началъ возстановляться въ 1902 году. Возстановленіе продолжается
{	Настоятель—Епископъ Иннокентій .
Членъ Миссіи іеромонахъ Симонъ;
3 монаха и 10 человѣкъ прочей братіи. |
|---|---|

Въ монастырѣ находятся церкви:

- а) Трапезная Успенская.
- б) Домовая архіерейская Иннокентіевская.
- в) Всѣхъ Святыхъ мучениковъ и (въ верх. этажѣ) св. Николая.
- г) Кладбищенская Серафимовская.

- При Миссіи учреждается съ 1902 года женская община со школою для дѣвочекъ.
{	Завѣдующая общиной монахиня Евпраксія и при ней 7 сестеръ.
- 2) Молитвенный домъ при кирпичномъ зав. миссіи около Пекина, основ. въ 1902 г.
 - 3) Посольская Срѣтенская церковь въ Пекинѣ основанная въ 1778 г.

{	Штатовъ не положено, служитъ іеромонахъ миссіи.
---	---
 - 4) Дунъ-динъ-аньская церковь, основанная въ 1868 году, разрушена въ 1900 году и пока не возстановлена.

{	Штата не положено.
---	--------------------
 - 5) Ханькоуская церковь, основанная въ 1884 г.

Жалованье положено отъ прихожанъ:	Іеромонахъ Пекинскаго Успенскаго монастыря Антонинъ.
священнику 3000 руб. въ годъ	Александръ Гертовичъ.
псаломщику 900 руб. въ годъ	
 - 6) Калганская, основанная въ 1895 году. Разрушена въ 1900 г. и пока не возстановлена.

{	Штата не положено.
---	--------------------

Годъ IV.

Выпускъ 44-45.

ИЗВѢСТІЯ БРАТСТВА

ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ИЗ КИТАЯ.

31 Марта 1907 года.

Кто нерадитъ объ изученіи св. Писанія,
тотъ удаляетъ отъ себя спасеніе.

*(Изъ твореній св. Иоанна Златоуста
VII т., стр. 15.)*

Не дадите святая псомъ, ни пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ногами своими (Матѳ. VII, 6). Кто этотъ попирающій? Тотъ, кто не почитаетъ Писанія драгоцѣннымъ и важнымъ. Но кто же, скажешь, столь несчастенъ, что-бы не считать его важнымъ и всего драгоцѣннѣе? Тотъ, кто не удѣляетъ ему и столько времени, сколько тратитъ для распутныхъ женщинъ на сатанинскихъ зрѣлищахъ. Многіе проводятъ тамъ цѣлые дни, совсѣмъ запускаяютъ ради бесполезнаго такого времяпровожденія домашнія дѣла, и что услышать тамъ, стараются съ точностью запомнить и сохранить на пагубу души своей, а здѣсь, гдѣ говоритъ самъ Богъ, не хотятъ побыть и малаго времени. Вотъ почему у насъ нѣтъ ничего общаго и съ небомъ, и наша (небесная) жизнь только

на словахъ. Однакожь за это Богъ угрожаетъ намъ и гееною, — не съ тѣмъ, чтобы ввергнуть насъ въ нее, а чтобы дать намъ возможность избѣжать этого тяжкаго наказанія. А мы дѣлаемъ напротивъ, и каждый день стремимся на путь, ведущій къ геенѣ. Богъ повелѣваетъ не только слушать, но и исполнять то, что намъ говорится, а мы не хотимъ и выслушать. Когда же, скажи мнѣ начнемъ исполнять то, что намъ повелѣвается, когда примемся за дѣла, если мы не хотимъ даже и слушать о нихъ, если негодуемъ и досадуемъ даже на самое краткое пребываніе въ храмѣ? Когда мы, разговаривая о предметахъ ничего не стоящихъ, замѣчаемъ въ собесѣдникахъ невниманіе, то считаемъ это себѣ за обиду. А о томъ не думаемъ, что оскорбляемъ Бога, когда Онъ говоритъ намъ о столь важныхъ предметахъ, а мы пренебрегаемъ Его словами и смотримъ въ сторону? Какой-нибудь старецъ, исходившій много земель, со всею точностью сообщаетъ намъ и о разстояніи и о положеніи городовъ, объ ихъ видахъ, пристаняхъ, площадяхъ (и мы съ удовольствіемъ слушаемъ его), а сами, между тѣмъ, не знаемъ и того, сколь далеко отстоимъ отъ небснаго града. Въ противномъ случаѣ, если бы мы знали это разстояніе, мы постарались бы сократить путь. Если, вѣдь, мы нерадимъ, то разстояніе этого града отъ насъ не только такое, какое находится между небомъ и землей, а даже гораздо больше; напротивъ, если прилагаемъ стараніе, то можемъ дойти до вратъ его въ одно мгновеніе, потому что это разстояніе опредѣляется не протяженіемъ пространства, а состояніемъ нашей нравственности.

ФРАНЦУЗСКІЯ КАТОЛИЧЕСКІЯ МИССІИ ВЪ ДЕВЯТНАДЦАТОМЪ СТОЛѢТІИ.

(Переводъ съ французскаго—Ю. Васильева).

ГЛАВА II.

ДРЕВНЯЯ МИССІЯ.

(Продолженіе, см. вып. 42-43.)

Открытие мыса Доброй Надежды, въ 1487 году, указало миссіонерамъ новый путь на Дальній Востокъ для проповѣди Евангелія. Однако Францискъ Ксаверій, высадившійся въ 1549 году на берега Японіи, несмотря на свое сильное желаніе проникнуть въ Китай,—не могъ этого достигнуть. Онъ умеръ 20 Декабря 1552 года на островѣ Сан-сіонъ около Кантона. Въ одно съ нимъ время на Дальній Востокъ выѣхали еще 12 доминиканцевъ; только одинъ изъ нихъ Гаспаръ де ля Круа достигъ желаемой цѣли въ 1555 году; это былъ первый миссіонеръ, прибывшій въ Китай южнымъ путемъ. Августинецъ Мартинъ де Рада прибылъ туда въ 1575 году, но и тотъ и другой должны были покинуть свои миссіи послѣ кратковременнаго пребыванія. Въ 1579 году Р. Валиганъ, іезуитъ, бывшій въ Индіи, отправилъ въ Макао Михаила Роджера, которому удалось открыть катехизаторскую школу въ Кантонѣ; къ нему вскорѣ пріѣхалъ знаменитый Матвѣй Риччи. Эти монахи и ихъ новые спутники, которые вскорѣ послѣдовали за ними, не безъ затрудненій могли наконецъ построить себѣ резиденцію и церковь въ городѣ Чжао-цинъ, гдѣ они обратили въ христіанство очень многихъ. Ихъ познанія въ китайскомъ языкѣ сдѣлали ихъ знаменитыми среди китайскихъ ученыхъ. Ихъ слушали съ удовольствіемъ, но, какъ писалъ одинъ изъ нихъ, отецъ Триго: все это говорилось съ большими похвалами, но безрезультатно, въ силу китайскаго индеферентизма.

Риччи составилъ карты неба и земли и солнечные часы, что возбудило къ нему благоволеніе мандариновъ. Понемногу христіанство достигло цвѣтущаго состоянія. Миссіонеры основали миссію въ Чао-чжоу, гдѣ Риччи продолжалъ свои научныя работы и перевелъ на китайскій языкъ Элементы Евклида.

Но цѣль, къ которой стремился Риччи,—это представиться ко двору и основаться въ Пекинѣ. Онъ былъ убѣжденъ, и не безъ основанія, что если ему удастся добиться позволенія жить въ столицѣ и основать тамъ резиденцію, то миссіонерамъ нетрудно было-бы проникнуть во все мѣста имперіи. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ и изучалъ такъ ревностно китайскій языкъ, и заручился дружбой нѣкоторыхъ мандариновъ, служащихъ при дворѣ.

Около начала 1599 года, въ сопровожденіи П. Каттанео и 2-хъ братьевъ туземцевъ, онъ выѣхалъ изъ Нанкина и послѣ мѣсячнаго путешествія по водѣ прибылъ въ столицу. Одинъ изъ его друзей—мандариновъ познакомилъ его съ придворнымъ евнухомъ: но этотъ, видя, что съ монаховъ не очень-то поживишься и въ виду того, что имперія воевала съ Японіей, а потому всякій иностранецъ былъ подозрителенъ, отказался представить его. Отецъ Риччи, послѣ безплодныхъ усилій, призналъ невозможнымъ преодолѣть все затрудненія и вернулся въ Нанкинъ. Эта первая неудача не обезкуражила его; онъ отправилъ П. Каттанео въ Макао, и скоро получилъ посланнаго имъ великолѣпныя и дорогія вещи, назначенныя для поднесенія императору: стѣнные часы, карманные, большіе стѣнные часы, клавикорды и другія рѣдкія вещи. Послѣ того, какъ японцы были побѣждены и миръ заключенъ, Риччи снова отправился 6 Мая 1600 года съ отцемъ—Пантожа (Pantoja). Въ Шандунѣ вице-король этой провинціи принялъ ихъ весьма милостиво, такъ какъ сынъ его былъ знакомъ съ отцами—монахами въ Нанкинѣ. Но, когда они пріѣхали въ Лин-Тин-коу, евнухъ Матанъ, управляющій таможеней, представилъ имъ всевозможныя препятствія; онъ однако не могъ не увѣдомить императора о ихъ прибытіи. Тогда отцы отправили въ Пекинъ съ письмомъ одного изъ братьевъ—китайцевъ, Севастьяна Фернандеца, котораго тамъ никто не хотѣлъ принять къ себѣ. Послѣ шестимѣсячнаго ожиданія, всеми оставленные, возлагая надежды на единого Бога, они были пріятно удивлены, когда приказомъ императора Вань-ли, вспомнишаго весьма кстати о докладѣ евнуха Ма-тана, ихъ потребовали въ Пекинъ. На четвертый день января мѣсяца 1601 года отецъ Риччи въѣзжалъ въ Пекинъ. На слѣдующій же день евнухи отнесли дары императору, который пришелъ отъ нихъ въ восторгъ: ничего подобнаго въ Китаѣ еще не видѣли. Но, не зная даже объ этомъ, отцы сдѣлали громадную ошибку, предоставивъ евнухамъ поднести подарки, тогда какъ эта церемонія должна была быть произведена трибуналомъ ритуаловъ. Президентъ этого трибунала былъ страшно разгнѣванъ, приказалъ ихъ арестовать, продержалъ подъ арестомъ

три дня и предалъ суду. Отецъ Риччи легко доказалъ свою невиновность; несмотря на это ихъ навѣрно отправили-бы изъ Пекина обратно, если-бы не евнухи, которые воспротивились этому, боясь что съ ихъ отъѣздомъ они не сумѣютъ завести часовъ. Отецъ Риччи представилъ императору петицію 28 января 1601 года, и императоръ разрѣшилъ ему нанять домъ и остаться въ немъ жить. Государь сверхъ того приказалъ выдавать изъ своей казны отцамъ и ихъ четыремъ слугамъ суммы, необходимыя на расходы по ихъ содержанію.

Заручившись протекціей принца, отецъ Риччи приобрѣлъ мѣсто въ татарскомъ городѣ, неподалеку отъ великихъ трибуналовъ. Любопытство привлекло къ нимъ много мандариновъ и ученыхъ; нѣкоторые являлись для изученія математики и естественной исторіи. Отецъ Риччи пользовался этимъ, чтобы объяснять имъ принципы вѣры и обратить ихъ въ христіанство. Для этого онъ пользовался картинами, привезенными изъ Европы, которыя онъ помѣстилъ въ маленькой молельнѣ, куда онъ вводилъ наиболѣе подготовленныхъ къ воспріятію ученія Христа. Въ 1605 г. миссія насчитывала уже болѣе двухъ сотъ новообращенныхъ, изъ которыхъ нѣсколько значительныхъ лицъ. Между ними находился докторъ Ли, уроженецъ Ханчжоу, изъ провинці Чжэ-цзянь, человекъ талантливый, обладающій умомъ далеко незауряднымъ. Какъ только онъ познакомился съ Риччи, онъ подъ его руководствомъ весь отдался изученію наукъ. Онъ написалъ семь томовъ по математикѣ, перевелъ сочиненія Аристотеля, книги Евклида, которыя онъ зналъ великолѣпно, и оставилъ болѣе 20 рукописей по вопросамъ философіи. Такъ какъ онъ былъ основательно знакомъ съ отечественной литературой, онъ принялъ большое участіе въ переводѣ книгъ, которыя миссіонеры издавали для китайцевъ. Онъ принялъ крещеніе отъ отца Риччи, который далъ ему имя Левъ. Это о немъ онъ такъ часто упоминаетъ въ своей перепискѣ съ докторомъ Михаиломъ Янь изъ Ханчжоу и докторомъ Павломъ Сиу-куанъ-ки изъ Сикавея. Этотъ послѣдній былъ призванъ въ Пекинъ на постъ имперскаго министра. Эти трое ученыхъ своими писаніями принесли громадную пользу какъ миссіонерамъ, такъ и религіи.

Матвѣй Риччи, кромѣ того, что стоялъ во главѣ Пекинской миссіи, управлялъ всѣми іезуитскими миссіями въ Китаѣ. Его апостольскіе труды въ соединеніи съ этими трудными обязанностями подорвали его здоровье: онъ заболѣлъ и умеръ 11 мая 1610 года 59 лѣтъ отъ роду. Отецъ Пантожа, одинъ изъ старѣйшихъ миссіонеровъ, который сумѣлъ заручиться дружбой многихъ мандариновъ, дѣлая имъ подарки, подалъ императору просьбу, испрашивая участокъ

земли, гдѣ можно было-бы воздвигнуть усыпальницу Риччи. За воротами Пинь-цзэ-мынь находился прекрасный домъ, принадлежавшій евноху, осужденному на смерть. По приказу императора градоначальникъ передалъ этотъ домъ миссіонерамъ при грамотѣ слѣдующаго содержанія: храмъ науки и добра не можетъ быть купленъ, такъ какъ онъ принадлежитъ Императору согласно приговору къ смерти евноха, который владѣлъ имъ. Да будетъ отпущенъ бонза, находящійся при немъ, и да введутъ во владѣніе имъ Пантожъ и его сотоварищей.

Несмотря на оппозицію евноховъ, приказъ былъ исполненъ и миссіонеры получили въ собственность это зданіе, которое по заявленію отца Семедо стоило болѣе 14000 золотыхъ. Пагода, которая находилась при этомъ зданіи, была обращена въ часовню Спасителя, идолы были низвергнуты и изъ матеріаловъ, изъ которыхъ были построены алтари для нихъ, была построена усыпальница Риччи, которую можно и теперь посѣтить на кладбищѣ, называемомъ Cha-la-eul (по французск. транскр.).

Риччи на смертномъ одрѣ назначилъ своимъ замѣстителемъ отца Лонгобарди.

Николай Лонгобарди находился въ Китаѣ съ 1596 года; онъ умеръ тамъ въ 1655 году, послѣ пятидесяти-лѣтняго пребыванія въ Китаѣ. Его взрѣніе на то, что называется китайской обрядностью отличалось отъ возрѣнія его предшественника. Послѣ того какъ онъ изучилъ этотъ вопросъ, эти обряды показались ему проникнутыми язчыествомъ и онъ ихъ строго запретилъ христіанамъ. Эта мѣра не помѣшала однако тому, что во все время пока онъ стоялъ во главѣ миссіи было совершено много обращеній въ христіанство.

Въ 1618 году императоръ Вань-ли, до сихъ поръ снисходительно относившійся къ христіанской религіи, издалъ указъ по которому всѣ миссіонеры должны были оставить имперію, а всѣмъ китайцамъ запрещалось принимать христіанство. Отецъ Лонгобарди пріѣхалъ тогда въ Пекинъ, чтобы представить императору просьбу, но онъ этого не достигъ. Всѣ іезуиты столицы даже и отецъ Пантожа должны были удалиться.

Въ 1620 году Вань-ли умеръ довольно кстати, чтобы не видѣть паденія своей династіи, на которую обрушились татары. Его сынъ Тай-чанъ процарствовалъ послѣ него всего четыре мѣсяца и былъ замѣщенъ Тянь-ци. Императоръ, видя опасность потерять корону, готовъ былъ употребить всѣ средства, чтобы бороться съ вторженіемъ. Доктора христіане Павелъ и Михайль, бывшіе въ Пекинѣ, воспользовались этимъ, чтобы представить императору, что

отцы іезуиты, будучи замѣчательными учеными, могли-бы помочь имперіи. Тотчасъ же новый эдиктъ былъ распространенъ по Пекину. Отцы Лонгобарди и Діацъ прибыли сюда и были прекрасно приняты; они сумѣли избѣжать возложенной на нихъ обязанности выработать правила, которыя отъ нихъ требовали.

Императоръ поручилъ іезуитамъ исправить календарь. Первые, кто занялся этимъ, были отцы Савватій де Урсисъ и Іоаннъ Терентіусъ, затѣмъ Іаковъ Ровъ 1634 году и наконецъ Адамъ Шалль.

Этотъ послѣдній родился въ Кельнѣ въ 1591 году. Прибывъ въ Китай въ 1622 году, онъ сначала отправился въ Си-нань-фу, провинціи Шен-си, гдѣ онъ отдался трудамъ миссіонера и научнымъ замѣткамъ. Въ 1634 году Чунъ-Чжэнъ, послѣдній императоръ изъ династіи Мингъ, долженъ былъ подавить возстаніе своихъ собственныхъ подданныхъ, которое было значительнѣе всѣхъ предшествующихъ. Онъ находился такъ сказать между двухъ огней: возставшіе, наступавшіе съ юга, и татары, готовые вторгнуться съ сѣвера. Тогда-то, въ 1636 году, отецъ Адамъ Шалль принялъ управленіе пушечнымъ литейнымъ заводомъ, — пушки предназначились для обороны Пекина противъ возставшихъ китайцевъ. Онъ достигъ желаемого успѣха: двадцать пушекъ большого калибра, могущія выбрасывать ядра до сорока фунтовъ вѣсомъ и много другихъ, меньшаго калибра, были поставлены на батареяхъ стѣнъ столицы.

9 Октября 1642 года, повстанцы сожгли городъ Кай-фынь-фу, подъ предводительствомъ Ли-чуана или Ли-цзы-чэна они завладѣли провинціями Шен-си и Хонань. Въ апрѣлѣ 1644 года Ли-чуанъ вошелъ въ Пекинъ, подкупивъ главныхъ мандариновъ. Пришедшій въ полное отчаяніе, обманутой, всѣми оставленный, несчастный императоръ, хотѣлъ, прежде чѣмъ покончить съ собой, спасти отъ безчестія свою дочь; онъ поразилъ ее саблей, но только отрѣзалъ ей правую руку; послѣ этого онъ отправился въ сѣверный садъ, гдѣ и повѣсился. Это дерево и теперь еще заковано въ цѣпи.

У-сань-гуй, оставшійся вѣрнымъ императорской династіи воинъ, призвалъ на помощь татарскаго императора, который, не желая упускать такого удобнаго случая для вторженія въ Китай, прибылъ во главѣ 80000 арміи, отозванной съ мѣста битвы на Ляо-дунѣ. Устрашенный Ли-чуанъ, оставилъ Пекинъ и отступилъ въ Шен-си, увезя съ собой всѣ сокровища, собранныя его шестнадцатью предшественниками изъ династіи Минъ. Тогда У-сань-гуй хотѣлъ возвести на престолъ одного изъ потомковъ Миновъ, но 100,000 всадниковъ, прибывшихъ изъ всѣхъ монгольскихъ провинцій, вторглись въ Пичжили. Они массами вступили въ Пекинъ: дѣло было

сдѣлано, Китай былъ въ ихъ рукахъ. Ихъ первымъ императоромъ былъ Шунь-чжи сынъ Тянь-цуна. Ему было всего шесть лѣтъ отъ роду. Самый старшій изъ его дядей, А-ма-ванъ, названъ былъ опекуномъ и регентомъ Имперіи.

Шунь-чжи взошелъ на тронъ въ 1643 году. Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1645 года декретомъ императора Адамъ Шалль былъ назначенъ Президентомъ трибунала математикѣ; онъ спасъ все астрономическіе инструменты во время ужасной революціи и сохранилъ въ цѣлости свою резиденцію и мѣсто упокоенія Риччи.

Противъ новой династіи возсталъ серьезный врагъ: это былъ внукъ Вань-ли, котораго приверженцы его провозгласили императоромъ подъ именемъ Жунъ-ли. Онъ основалъ свою столицу въ провинціи Гуан-дунъ и Гуан-си, избравъ для этого городъ Гуй-линь-фу. Вице-король Кан-си, по имени Фома Сю, былъ христіанинъ, также и военначальникъ Лука Синъ. Наконецъ и первый евнухъ этого двора, великій имперскій канцлеръ, принялъ тоже христіанство. Мать императора была крещена въ 1648 году отцемъ Андреемъ Коффлеромъ, также какъ и императрица, которую называли Еленой. Ея молодой сынъ былъ названъ Константиномъ.

Два года спустя, княжна Елена и евнухъ Панъ Апилле отправили папѣ Александру VIII черезъ отца Михаила Боамъ письма, помѣченныя первымъ и четвертымъ Ноября 1650 года, которыя заключали въ себѣ обѣщанія вѣрноподданности Его Святѣйшеству. Папа отвѣтилъ, но за это время татары закончили свои завоеванія. Несчастный императоръ Жун-ли, послѣ усиленныхъ сопротивленій, былъ окончательно побѣжденъ. Онъ бѣжалъ со своими приверженцами и вскорѣ былъ убитъ, какъ и его молодой сынъ. Императрица Елена, приговоренная къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, была отправлена въ Пекинъ. Генералы и мандарины—христіане, сохранившіе до конца вѣрность династіи Миновъ, обрѣли смерть въ сраженіяхъ.

Въ 1650 году императоръ Шунь-чжи, въ благорность Адаму Шалль за исправленіе календаря, издалъ декретъ, которымъ восхвалялъ заслуги его и признавалъ христіанскую вѣру и который кончался такъ: «Что касается до меня, то я признаю законъ, который исповѣдываетъ отецъ, я его почитаю и восхваляю и поэтому-то я приказалъ помѣстить этотъ декретъ передъ церковью, чтобы память объ этомъ сохранялась вѣчно; кромѣ того я требую чтобы ее называли Тунгъ-мен-кіа-кенгъ т. е. великолѣпное мѣсто откуда проникаютъ на небеса. Данъ въ Пекинъ въ седьмой годъ нашего царствованія» (1650).

Благодаря этому декрету, Адамъ Шалль началъ въ 1650 году

постройку большой церкви на мѣстѣ, данномъ ему императоромъ; она была быстро построена въ формѣ латинскаго креста въ европейскомъ стилѣ, но приспособленномъ къ китайскому вкусу. Стѣны внутри были покрыты китайскими религиозными изреченіями. Надъ входными дверями (портикомъ) была слѣдующая надпись по китайски и по монгольски: «Послѣ того какъ Св. Тома первый внесъ евангельское ученіе въ сію страну, послѣ того какъ сирійцы обнародовали и распространили его по всей имперіи въ царствованіе Тановъ, оно широко развилось въ царствованіе Миновъ благодаря стараніямъ одаренныхъ людей, во главѣ которыхъ стояли Св. Ксаверій и отецъ Риччи, пожавшіе богатые плоды, какъ благодаря своимъ проповѣдямъ, такъ и распространеніемъ книгъ, написанныхъ на китайскомъ языкѣ, которыя они распротраняли по всему государству. Наконецъ, такъ какъ нѣтъ ничего постояннаго въ человѣческой жизни, Китайская имперія подпала подъ власть татаръ; тѣ-же отцы возстановили календарь XI, именуемый Нien-lie, за что въ награду императоръ разрѣшилъ имъ построить въ Пекинѣ, гдѣ находился дворъ, во имя Бога живого великолѣпный храмъ, который былъ построенъ и освященъ въ VII годъ царствованія Шунь-чжи. Отецъ Адамъ Шалль, нѣмецъ по происхожденію, священнослужитель общества во имя Христа и авторъ настоящаго календаря, посвящаетъ своимъ преемникамъ этотъ домъ, на постройку котораго положено столько труда и работы».

Можно видѣть за воротами Шунь-чжи-мынь старинную церковь, нѣсколько разъ перестроенную, и желтые балдахины, въ которыхъ хранятся скрижали съ вырѣзанными на нихъ надписями императорскихъ декретовъ, благоговѣнно сохраняемыхъ. Во время гоненій церковь эта была закрыта и зданія разрушены, крыша обрушилась, скрижали были повергнуты на землю и находились безъ балдахиновъ. Эти развалины были вновь воздвигнуты въ 1861 году лазаристами. Императоръ, чтобы почтить отца Шалля, издалъ эдиктъ, которымъ онъ назывался Та-чан-ссе, съ титуломъ Тунъ-хуй-тай-фу, т. е. человекъ мудрый и благоразумный. Онъ возвелъ въ дворянское достоинство его предковъ и издалъ два новыхъ декрета въ честь его отца, Генриха (Андрея) Шалля и его матери Маріи Шэффаръ де Меродъ. Первому онъ далъ титулъ «человѣкъ замѣчательнаго благочестія» и второй—«женщина великой святости». Шунь-чжи очень благоволилъ къ Тан-жо-ванъ (китайское имя Ивана Адама Шалля) и охотно слушалъ совѣты этого миссіонера, который боролся противъ вліянія бонзъ, протежируемыхъ императрицей матерью.

Но, несмотря всѣ свои старанія, Шалль не могъ отвратить императора отъ самыхъ безумныхъ суевѣрій. Когда тотъ заболѣлъ,

онъ снова пробовалъ обратить его въ христіанство, но это было напрасно: Шунъ-чжи, находившійся подъ вліяніемъ евнуховъ и бонзъ, умеръ язычникомъ.

На другой день послѣ его смерти четыре регента возвели на престолъ молодого князя, восьми лѣтъ отъ роду, который, подъ именемъ Канъ-си, процарствовалъ такъ долго и такъ славно. Взойдя на тронъ, Канъ-си, движимый необыкновенной благодатью, позволилъ всемъ мандаринамъ, начиная съ третьяго ранга, посылать одного изъ ихъ сыновей въ императорскую школу. Такъ какъ во главѣ этой школы стоялъ Адамъ Шалль, то императоръ издалъ такой указъ: Тан-жо-ванъ—европеецъ, онъ много лѣтъ трудился для государства и никогда у него не было жены; это обстоятельство не должно однако препятствовать принятію въ императорскую школу молодого человѣка, котораго онъ призналъ внукомъ; и такъ примите его. Примите это къ свѣдѣнію.

Однако регенты ненавидѣли миссіонеровъ и искали только благопріятнаго случая, чтобы предать ихъ смерти. Даже самъ Адамъ Шалль, несмотря на все его заслуги, не долженъ былъ избѣгнуть общей участи. Въ 1664 году Янь-куанъ-сянь, астрономъ магометанинъ, устраненный отъ управленія обсерваторіей, представилъ жалобу на отца Шалля, обвиняя его въ ложномъ ученіи и заговорѣ противъ правительства. Регенты запретили исповѣдывать христіанскую религію по всей имперіи и заключили въ темницу отца Шалля съ его тремя сотрудниками. Ихъ книги были сожжены такъ-же какъ и все вещи, касающіяся религіозныхъ обрядовъ, но церкви ихъ, однако, не были разрушены. Послѣ того какъ ихъ таскали изъ одного трибунала въ другой, ихъ наконецъ заключили въ Синъ-бу (трибуналъ преступленій) и надѣли на нихъ по девяти цѣпей. Положеніе отца Шалля было отчаянное: ослабленный годами, болѣзною и параличомъ, онъ кромѣ того страдалъ какимъ-то катарромъ, который отнималъ у него способность говорить.

Отецъ Фербье (Ferbiest), который раздѣлялъ его оковы, храбро защищалъ своего собрата; его однако приговорили къ удавленію; затѣмъ судьи, взявъ обратно свой приговоръ, вынесли другой, которымъ онъ приговаривался быть выставленнымъ на позорной площади и разрѣзанъ живымъ на 10000 кусковъ. Страшное землетрясеніе и пожаръ, истребившій большую часть дворца, заставили отложить приговоръ, Адама Шалля отпустили и онъ умеръ 15 Августа 1666 года семидесяти пяти лѣтъ отъ роду, но смертный приговоръ не былъ отмѣненъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ его оправдали и онъ былъ похороненъ на средства императора, на особомъ кладбищѣ, прилегающемъ къ мѣсту упокоенія Риччи.

Въ Пекинѣ Адама Шалля замѣстилъ отецъ Фербье, бельгіецъ по происхожденію, одаренный замѣчательными способностями. Ихъ обвинитель, Янь-куанъ-сянь, которому было вновь поручено составить календарь, надѣлалъ такихъ ошибокъ, что пришлось вычеркнуть цѣлый мѣсяць. Тогда-то императоръ снова обратился къ миссіонерамъ. Отецъ Фербье, очень хорошо знавшій астрономію, доказалъ въ присутствіи самого императора неправильность календаря. Янь-куанъ-сянь былъ приговоренъ къ ссылкѣ въ Тартарію (Монголію), а о. Фербье назначенъ на его мѣсто президентомъ трибунала математики. Онъ, получивъ приказаніе отъ императора сдѣлать новыя инструменты для обсерваторіи, привелъ приказъ въ исполненіе съ рѣкой удачей и построилъ между прочимъ:

кругъ зодіака шесть футовъ въ діаметрѣ,
 кругъ равноденствія тѣхъ же размѣровъ,
 азимутальный горизонтъ тоже въ шесть футъ,
 большую четверть круга въ шесть фут. діаметромъ,
 небесный сводъ въ шесть футъ діаметромъ.

Всѣ эти инструменты поставлены на великолѣпныхъ бронзовыхъ драконахъ самой тщательной работы, покоящихся на мраморныхъ постаментахъ, и по художественности исполненія не заставляютъ желать ничего лучшаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕРЕЪЗДЪ ИЗЪ ПЕКИНА ВЪ ИЛИ.

(Путевой дневникъ Китайскаго Вельможи
Ци-хэ-чао, сосланнаго въ Или)

(Окончаніе).

Отсюда въ 50 *ли* на западъ находится мѣстечко *Да-хэ-янь*. Оно принадлежитъ Тургутамъ. По дорогѣ сюда встрѣчается множество Монгольскихъ юртъ. Земля здѣсь тучна и плодоносна. Далѣе, по направленію на западъ, проѣхавши рѣку, нужно держаться около южныхъ горъ одной высочайшей вершины, за которой слѣдуетъ поворотъ на юго-западъ. Здѣсь встрѣчается безчисленное множество сопокъ, большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ, а на сѣверо-западъ поднимаются круглыя и остроконечныя, то квадратныя и ровныя, живыя какъ будто на картинѣ. Есть чѣмъ полюбоваться.

Отселѣ въ 30 *ли* находится станція *Утай*, состоящая восточную границу *Или*. Дорога сюда ведетъ по песку и камнямъ; видъ здѣшнихъ мѣстъ довольно возвышенный.

Далѣе на западъ въ 80 *ли* лежитъ станція *Сы-тай*. Отъ станціи *Утай* по дорогѣ на западъ замѣтно, какъ горы постепенно соединяются; возвышенныя и низменныя мѣста горъ окаймлены деревьями, зеленыя тѣни которыхъ изящны и привлекательны.

Еще далѣе на западъ въ 80 *ли* находится станція *Сань-тай*. Она окружена со всѣхъ сторонъ горами. Среди нея прорытъ каналъ, называемый *Сань-ли-му-норъ*; онъ протекаетъ чрезъ *Сань-тай* по направленію на сѣверъ, и катится голубою лентою то глубоко, то мелко; поверхность его спокойна, какъ зеркало; въ ней ясно отражаются и свѣтила неба и ландшафты горъ; въ минуту времени въ ней проявляется множество видоизмѣненій. Нельзя описать его. Въ мое время на поверхности этого озера летали утки и бѣлыя чайки, какъ будто большіе морскіе лебеди, беззаботно и нисколько не боясь людей. Подлинно прекрасная картина! Настоящая станція устроена близъ озернаго берега. При подошвахъ горъ проложена каменная дорога, которая проходитъ мимо воды. Невдалекѣ особо устроенъ пограничный деревянный карауль. Въ сторонѣ отъ дороги—въ 3-й годъ царствованія *Цзя-цин*—Дозорный по фамиліи *Гумо* написалъ

на каменномъ памятникѣ исторію устройства здѣсь каменной дороги. На берегу озера живутъ оберегатели границы—Чахары въ своихъ юртахъ. Таковыхъ юртъ здѣсь чрезвычайное множество. Онѣ и далѣе разсыпаны по всей степи, какъ знаки на шахматной доскѣ. Рогатый скотъ и лошади разныхъ мастей представляются издали парчею. Смотри на эту пограничную мѣстность, я представляю ее себѣ широкою, какъ море, и безпредѣльною, какъ воздушное пространство неба.

Отселѣ по направленію на западъ, проѣхавши мѣстечко *Дабанъ*, чрезъ 60 *ли* я прибылъ на станцію *Эръ-тай*. Со станціи Сань-тай я ѣхалъ по берегу озера и уже насчиталъ 40 слишкомъ *ли*, какъ, приблизившись къ мѣстечку *Да-банъ*, мы остановились ненадолго для отдыха. Потомъ верхомъ начали подниматься на вершину горы, гдѣ нашли также памятникъ съ надписью *Гумо*. Достигши вершины, мы повернули въ сторону и въѣхали въ предмѣстье *Тарцшоу*, по просту называемое *Го-цзы-гоу*. По проѣздѣ далѣе нѣсколькихъ шаговъ вдругъ предсталъ предъ нами густой лѣсъ, возникшій изъ горъ. При подошвахъ горъ заструились источники и явилась травка,—тонкая, какъ швейная игла. Я чрезвычайно любовался всѣми этими видами. Продолжая далѣе свой путь, я поднялъ голову, и увидѣлъ, что всѣ горы покрыты высокими деревьями, которыя такъ и манятъ путника подъ свои тѣни. Я смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза, но трудно все разсмотрѣть. Въ душѣ оставались пріятныя впечатлѣнія и опасеніе, что эти прекрасныя мѣста скоро кончатся. Вскорѣ—когда мы дѣлали круговороты—оказалось, что чѣмъ мы далѣе ѣхали, тѣмъ мѣста казались прелестнѣе. Деревья здѣсь высокія и красивыя; они высятся къ самому небу и закрываютъ своими вѣтвями солнце. Травъ здѣсь также чрезвычайное множество. Здѣшнія голубыя вьющіяся растенія и зеленый мохъ увлекаютъ каждаго проѣзжаго. Словомъ, здѣшнія горы сверху до низу наполнены красотами въ такомъ обилии, что нѣтъ на нихъ ни одного не занятаго растеніями клочка земли, какъ будто находишься среди безчисленнаго множество цвѣтовъ. Нельзя высмотрѣть всѣхъ здѣшнихъ красотъ. Горный источникъ протекаетъ на 10 слишкомъ *ли*; потомъ, соединившись съ большимъ протокомъ восточнаго горнаго ручья, съ шумомъ бѣжитъ между камнями и горными преградами; по берегамъ его растутъ разнаго рода деревья, которыя своими вѣтвями совершенно закрыли воду,—только слышенъ шумъ ея теченія. Здѣсь устроены 72 моста, которые кругообразными и кривыми путями ведутъ среди безчисленныхъ пропастей; по бокамъ мостовъ густо растутъ бамбуки и другой лѣсъ. Да возможно ли изобразить всѣ подробности здѣшнихъ красотъ

природы? *Го-цзы-гоу*, безусловно, есть весьма небольшое мѣстечко, — но его горы, воды, травы и деревья удивительно красивы. По справедливости можно назвать его счастливымъ уголкомъ, съ избыткомъ надѣленнымъ дарами Неба. Странно только представить за тысячами верстъ, среди заграничныхъ горъ, такой избранный участокъ земли, приличный для водворенія на немъ и самыхъ небожителей. Удивительнѣйшая и очаровательнѣйшая мѣстность.

Со станціи Эр-тай на югъ чрезъ 50 *ли* я прибылъ въ мѣстечко *Тоу-тай*, которое уже не можетъ сравниться съ *Тарцшоу*. По дорогѣ сюда путешественникъ постепенно теряетъ изъ виду прежнюю прекрасную обстановку, и совершенно оставляетъ за собою горы.

Отсюда на югъ же чрезъ 50 *ли* я пріѣхалъ на станцію *Сяолу-цаогоу*. По дорогѣ я встрѣтился съ значительнымъ числомъ рабочихъ, занимающихся прочищеніемъ каналовъ.

Далѣе на Юго-западѣ въ 30 *ли* находится городъ *Суй-динъ-чэнъ*, въ которомъ имѣетъ постоянное жительство *Цзунъ-бинъ* (военный Генералъ). Этотъ городъ считается щитомъ, или крыльями *Или*. Мѣстный видъ его обширный. Обѣ стороны большихъ дорогъ обсажены ивами, подъ тѣнью которыхъ можно найти пріятную прогулку. Поля повсюду распахиваются волами; по сосѣднимъ деревнямъ молотятъ пшеницу. Словомъ, здѣсь царствуетъ трудолюбіе и глубокое и безграничное спокойствіе. Впрочемъ не стану хвалить эти мѣста: иначе моему похвальному слову не будетъ конца.

Отсель на югъ чрезъ 30 *ли* я прибылъ въ Илійскій главный городъ—*Хай-юанъ-чэнъ*. Онъ отстоитъ отъ *Ди-хуа-чжоу* на 1900 *ли*, отъ *Хами*—въ 3300 *ли*, отъ *Цзя-юй-гуанъ*—въ 5200 *ли*, отъ *Ланъ-чжоу*—въ 6800 *ли*, отъ *Си-анъ-фу*—въ 8200 *ли*, а отъ *Пекина*—въ 10.700 слишкомъ *ли*. За границею мѣста широки и пространны; тамъ разстоянія переѣздовъ считаются приблизительно; на дѣлѣ всегда бываетъ больше разстоянія, но никогда не меньше. Такъ, на примѣръ, часто тамъ опредѣляютъ станцію въ 20 или 30 *ли*, а между тѣмъ въ полдня времени ее едва можно проѣхать. Нельзя сравнивать заграничныя станціи съ почтовыми разстояніями внутренняго Китая, гдѣ пространства каждаго переѣзда измѣрены точно.

Далекій путь, неизмѣримый путь! Только ссылаемымъ на западную границу преступникамъ суждено обозрѣвать во всѣхъ подробностяхъ всё, изложенныя въ предлагаемомъ дорожномъ дневникѣ, мѣста.

Пекинъ.

„23,, Марта 1855 г.

Перевелъ съ китайскаго

Иеромонахъ Павелъ Цветковъ.

Морское Путешествіе.

(Продолженіе*.)

Такъ прожили мы въ Шанхаѣ двѣ недѣли, чуть ли не каждый день справляясь о пароходахъ, идущихъ во Владивостокъ. Погода была дождливая, какъ бываетъ каждую зиму въ Шанхаѣ, пріятнѣе было бы сидѣть дома, чѣмъ ѣздить по конторамъ и выслушивать на разные лады одну и ту же пѣсню, что пароходъ скоро будетъ, что вотъ вотъ онъ «скоро придетъ», еще скорѣе того разгрузится и нагрузится и «вѣроятно» выйдетъ въ пятницу. Между тѣмъ проходила суббота и воскресенье, а парохода все не было. Такія же дутыя объявленія помѣщались и въ газетахъ, но ясно было, что никто не знаетъ навѣрное, когда пароходы будутъ. Въ Шанхаѣ много конторъ принимаютъ грузы и пассажировъ, но своихъ пароходовъ не имѣютъ, а у кого и есть пароходы свои или зафрактованные, то посылаютъ ихъ въ зимнее время во Владивостокъ не всѣ рѣшаются. Пронесся слухъ будто бы Владивостокъ не доступенъ по причинѣ большихъ холодовъ и особенно сильнаго въ томъ году замерзанія моря. Каждая контора старалась однако же набрать побольше грузовъ и пассажировъ, чтобъ потомъ сдать ихъ за коммисіонный процентъ пароходной конторѣ. Мы рѣшили взять билеты на томъ пароходѣ, который выйдетъ ранѣе. Судя по печатнымъ объявленіямъ первыми очередными пароходами на Владивостокъ были Кантонъ, Ганомень и Монголія, всѣ они набирали пассажировъ, всѣ сулили наискорѣйшій «отвалъ». Къ концу второй недѣли нашего ожиданія получилась телеграмма, что «Монголія» вышелъ изъ Нагазаки и мы, наскучивъ шатаваніями по конторамъ, рѣшили взять билетъ на Монголію. Это пароходъ Общества Китайской Восточной Ж. Дороги, единственно оставшійся въ распоряженіи русскихъ по окончаніи войны. Онъ совершалъ рейсы между Владивостокомъ и Шанхаемъ, но ранѣе предназначался для перевозки пассажировъ съ поѣздовъ экспресса изъ города Дальняго въ Шанхай, а потому устроенъ былъ прилично, со множествомъ каютъ I-го класса, просторной столовой и ваннами. Водоизмѣстимость судна 1300 тоннъ, скорость хода до 14-ти узловъ. Два мѣдныхъ винта при четырехъ двухцилиндровыхъ машинахъ съ холодильниками развиваютъ двигательную мощь парохода до 1800 индекаторныхъ силъ. Въ носовой части

*) См: «Въ среднемъ Китаѣ» (исключая ошибочно помѣщенное подъ этимъ заглавіемъ въ вып. 38-39 письмо С. С. изъ Вэй-хуй-фу) и «На рѣкѣ Янцзы».

судно дѣлится на три этажа, изъ которыхъ два верхніе составляютъ трюмы для пассажировъ 2-го и 3-го классовъ, а нижній служитъ для помѣщенія багажа и грузовъ. Въ средней части судна устроены помѣщенія для топлива и котловъ, надъ ними столовая, дальше къ кормѣ идутъ каюты 1-го класса, надъ ними ютъ и читальня, подъ ними машинное отдѣленіе. Судно куплено въ Австріи уже подержаннымъ и отремонтировано за-ново для вышеупомянутой цѣли. Плата отъ Шанхая до Владивостока въ одинъ конецъ съ одной персоны въ 1-мъ классѣ 75 тѣлей или 106 рублей съ продовольствіемъ, во второмъ классѣ (безъ продовольствія) 28 руб., въ третьемъ, гдѣ помѣщаются только Китайцы, въ половину дешевле, чѣмъ во 2-мъ классѣ. При покупкѣ проѣздныхъ билетовъ въ конторѣ Общества (близъ набережной) спрашиваютъ паспорта, это предосторожность нелишняя въ дѣлахъ съ дорогими соотечественниками. Въ конторѣ же мы видѣли и будущихъ пассажировъ Монголіи, купчиковъ, авантюристовъ и другихъ вояжировъ, изъ нихъ русскихъ можно было узнать не только по говору, но и заспанному лицу и небрежной манерѣ обращаться съ людьми имъ незнакомыми, а иногда и по фантастическому костюму. Дождливая погода мѣшала грузиться пароходу; хорошо еще было, что груза немного набиралъ онъ, а больше было пассажировъ. Пришлось прождать до посадки еще двое сутокъ.

День посадки былъ особенно дождливъ, пароходъ Монголія стоялъ по ту сторону рѣки верстахъ въ трехъ отъ пристани. Надо было переѣзжать туда на катерахъ, которые вмѣстѣ съ грузовыми баржами отходили вечеромъ. Къ означенному времени отхода перваго катера набережная наводнилась русской публикой. Впрочемъ русской она могла назваться лишь потому, что изъ Россіи прибыла и туда же теперь возвращалась, а національность общую нельзя было установить: это былъ какой-то этнографическій отдѣлъ выставки, собраніе всѣхъ племенъ и народовъ. Армяне, Грузины, Евреи, Греки, Шведы, Татары пестрѣли разнообразіемъ своихъ импровизованныхъ костюмовъ. Много было «фей», невѣдомо откуда сюда залетѣвшихъ, слышался говоръ на всевозможныхъ языкахъ. Къ отходу катера выяснилось, что кромѣ разнообразной коммерческой публики съ нами ѣдутъ еще: два цирка, одна пантомима, три оркестра и еще многое другое, что и назвать то очень трудно. Однимъ словомъ остатки веселаго Портъ-Артура, неудачно гастролировавшіе въ Шанхай и теперь ѣдущіе во Владивостокъ и такъ далѣе, къ русскимъ, умѣющимъ цѣнить и поддерживать таланты. Вся это «публика», по прибытіи на пароходъ, наполнила собою оба верхніе трюма и воца-

рилась тамъ при соотвѣтствующей атмосферѣ и обстановкѣ. Но и въ помѣщеніи перваго класса дѣла были не важны: столовая переполнена была публикой, не могло быть, чтобъ это были все пассажиры. Они вели себя свободно, пили чай, вина, закусывали. Общество было шумное, господствующій языкъ русскій. Несмотря на кромѣшную тьму и невылазную грязь вокругъ парохода на пристани, чисто одѣтая публика пріѣзжала и отъѣзжала на шлюпкахъ и катерахъ; палуба залита электрическимъ свѣтомъ, настроеніе праздничное; однимъ словомъ «проводы» въ полномъ смыслѣ слова. Такъ продолжалось болѣе двухъ часовъ, давно минулъ назначенный срокъ отвала судна, минули уже и отсрочки, а Монголія все не двигалась съ мѣста. Казалось все было готово къ отплытію—и пары весело шипѣли въ трубѣ и свистковъ было нѣсколько, а мы все ни съ мѣста. Разнесся слухъ, что какія-то бумаги не готовы и контора насъ задерживаетъ, но теперь рѣшено идти на взморье на глубину 11-ти футовъ и тамъ ожидать пріѣзда катера съ документами. Началось движеніе «обратно»: залъ пустѣлъ, никто изъ публики не хотѣлъ платить ресторатору китайцу за пользованіе буфетомъ столь долгое время. Тотъ обратился къ капитану, сей послѣдній, видя, что въ числѣ публики былъ и агентъ конторы, не посмѣлъ идти противъ «начальства», а указалъ перстомъ правой руки на объявленіе, гласившее, что Общество принимаетъ на себя продовольствіе пассажировъ лишь по выходѣ судна въ море. Указалъ онъ эдакъ на объявленіе сіе и... исчезъ, а рестораторъ долго еще дѣлалъ облаву на отъѣзжающихъ «гостей», предлагая имъ расплатиться за угощеніе, но мало имѣлъ успѣха. Столовая опустѣла, оказалось, что пассажировъ 1-го класса было немного болѣе десятка, да и тѣ предпочитали сидѣть по своимъ каютамъ, чтобъ избѣжать непріятности быть свидѣтелями неприличнаго скандала.

Наконецъ судно подняло якорь и тихо пошло по теченію. Черезъ часъ мы прошли Усунъ и вышли на 11 футовъ, гдѣ и... остановились. Вскорѣ подѣхалъ катеръ, на которомъ кромѣ «бумагъ» оказалось еще масса публики, въ томъ числѣ и нѣсколько пассажировъ. Начался ужинъ «по звонку» или вѣрнѣе вторыя «проводы», продолжавшіяся за-полночь, если не до самаго утра. Теперь рестораторъ принялъ мѣры, сажая гостей за столъ, онъ опросилъ у пассажировъ номера ихъ каютъ и, провѣривъ «по натурѣ», могъ уже безошибочно отдѣлить овецъ отъ козлищъ. Когда на разсвѣтѣ утра мы проснулись и открыли иллюминаторъ, чтобъ посмотрѣть быстро ли идетъ наше судно, оно оказалось на прежнемъ своемъ мѣстѣ и у борта болтался вчерашній катеръ. Объяснилось это

удивительное явленіе тѣмъ отчасти, что катеръ имѣлъ притягательную силу, а главное было то, что послѣ ночного отлива вода стояла еще такъ низко, что идти было нельзя.

Только къ одиннадцати часамъ поднять былъ якорь и мы пошли въ море. Мы долго шли по мелкому мѣсту, вода была мутно-сѣраго цвѣта, какъ въ рѣкѣ, и, несмотря на довольно свѣжій сѣверный вѣтеръ, волны были незначительны и мы могли еще смотрѣть на море, но когда, миновавъ плавучій маякъ, судно взяло немного курсъ на сѣверо-востокъ, пересѣкая волны косвенно, качка сразу дала себя чувствовать. Мы въ это время сидѣли за завтракомъ, на столѣ была устроена одна большая рама съ мелкими клѣтками, въ которыхъ стояли стаканы и тарелки. Когда вдругъ вся эта посуда зазвенѣла и стала стучаться о перегородки, пассажиры переглянулись, каждый подумалъ: «вотъ начинается», но всѣ рѣшились держаться за столъ, никому не хотѣлось сознаться въ своей слабости, да и неприличнымъ казалось выходить изъ-за стола, до конца завтрака. Но этой рѣшимости хватило не на долго: кто не выноситъ качки, въ томъ числѣ и мы, вскорѣ оставили залу и разбрелись по своимъ каютамъ. Моя каюта находилась почти у самой кормы парохода и рассчитана была на двѣ персоны, но, такъ какъ пассажировъ было мало, то я могъ занимать ее одинъ. Почти безъ чувствъ упавъ на койку, я долго не могъ опомниться. Тошнота, головокруженіе и тоскливая боль въ желудкѣ сильно мучили меня. Лежа въ полузабытѣи въ постели, судорожно держась за перила ея, я смутно чувствовалъ, что поднимаюсь высоко, затѣмъ падаю въ бездну, то вдругъ лечу въ сторону или кружусь на одномъ мѣстѣ. Смутно слышалъ отрывистые звуки шаговъ на палубѣ, шумъ винта и удары волнъ о бока парохода. Положеніе мое было невыносимо еще и потому, что въ каютѣ было душно, жарко отъ парового отопленія, а раскрыть окно было нельзя: волны били прямо въ стекло.

Соображая обѣщанную скорость парохода съ разстояніемъ, я утѣшалъ себя тѣмъ, что конецъ мученій настанетъ не долѣе какъ черезъ 30 часовъ, много если пройдетъ полтора сутокъ, и считалъ звонки къ обѣду, ужину, завтраку. Но проходитъ двое сутокъ, а качка продолжается и я лежу безъ пищи, мучимый жаждою и все остается по-старому. Наконецъ, собравшись съ силами, рѣшился я кое-какъ выбраться изъ каюты, чтобы узнать, будемъ ли заходить въ Нагасаки или минуя ихъ идемъ прямо на Владивостокъ. Была ночь, пробираясь по корридору къ выходу, я замѣтилъ, что въ коридорѣ плещется вода и китаецъ собираетъ ее въ ведро, далѣе на лѣстницѣ стояли двое незнакомыхъ и, обнявшись крѣпко, изучали

«Росписаніе шлюпокъ на случай аваріи».

Приступъ тошноты заставилъ меня поскорѣе выскочить на палубу, тамъ царила тьма, всюду шипѣла и пѣнилась разъяренная стихія, пробѣгавшій по палубѣ матросъ на мой вопросъ крикнулъ: «идемъ въ Нагасаки». Ворочаясь назадъ, я встрѣтилъ знакомаго нѣмца, хорошо говорившаго по-русски, который схватилъ было меня за руку, что -то пробормоталъ, я уже не могъ переспросить его, такъ укачался за свою вылазку, къ тому же сильный толчекъ отбросилъ отъ меня далеко моего знакомаго; глянувъ ему, вслѣдъ, я замѣтилъ на немъ поверхъ жакета туго надѣтый пробковый поясъ. Припоминая и стараясь изъяснить его слова, я получилъ нѣчто вродѣ того: «сбились съ пути, течь въ пароходѣ, доживемъ ли до утра»? Первое, что я предпринялъ, придя въ каюту, это было исканіе пробковаго пояса, я помнилъ, что гдѣ-то тутъ я видѣлъ его. Съ большимъ трудомъ я высвободилъ его изъ-подъ койки и силился кое-какъ, одной рукой держась за койку, надѣть поясъ на себя, но брезентъ оказался совершенно сгнившимъ и шнуровка лопалась при подвязываніи пояса подъ мышками, къ тому же я его невѣрно надѣвалъ и онъ не могъ бы помочь мнѣ въ дѣлѣ плаванія, однако я рѣшилъ не бросать его, и кое-какъ закрѣпивши на себѣ легъ опять въ постель, но заснуть уже не могъ. Дальше это была уже не жизнь, а ожиданіе смерти, ежеминутное ожиданіе катастрофы. «У страха глаза велики» и не одни глаза, велики и уши: вскользь услышанная фраза породила цѣлый рой тревожныхъ мыслей. Не имѣя предъ собой ничего кромѣ непроницаемой тьмы, я весь обратился въ слухъ: мнѣ казалось, что шумъ винта дѣлается глуше, что по временамъ онъ совершенно перестаетъ работать и слышна лишь работа помпъ, откачивающихъ воду, попадающую черезъ винтъ въ машинное отдѣленіе. За окномъ гулъ ударовъ волнъ смѣнялся шипѣньемъ и грохотомъ, будто мелкія льдины бились о стекло иллюминатора. Иногда все стихало, и казалось, что море уже поглотили судно въ своихъ холодныхъ безднахъ. Однажды была слышна на палубѣ, какъ мнѣ казалось, тревога, слышались свистки командира, но опять все стихало или вѣрнѣе заглушалось шумомъ бури. Отъ нервнаго напряженія у меня началось нѣчто вродѣ горячки и казалось, что каюта освѣщена пламенемъ пожара, но вещи, окружающія меня не тѣ, что были у меня вчера, я не могу угадать ихъ, что за странныя вещи... Потомъ послышался звонъ и одновременно стала ощущаться боль подъ мышками отъ пробковаго пояса, звонъ между тѣмъ становился яснѣе, какъ будто приближался ко мнѣ, наконецъ я узнаю знакомый звонокъ буфетчика, очнулся и.. первое что я увидѣлъ это стекло иллюминатора,

освященное блѣднымъ отблескомъ зари. Отъ радости я вскочилъ на ноги, не чувствуя усталости въ трясущихся ногахъ и рукахъ, и подбѣжалъ къ окну. Что за чудное зрѣлище представлялось тамъ! Качки уже не было, мы шли въ затишьи острововъ Гатоо и округлыя формы ихъ скаль оставались уже сбоку. Хрустальная синева воды была покрыта мелкими волнами, кое-гдѣ на нихъ пѣнились верхушки, но это были уже не тѣ ужасныя волны, эти ласкали, манили взоръ. Чистое глубокое небо отражалось въ нихъ тысячью мягкихъ оттѣнковъ. На горизонтѣ стоялъ миражъ скалистыхъ береговъ счастливой Японіи и парусъ рыбацѣй лодки склонился подъ легкимъ дуновеніемъ утренняго бриза. Судно наше ходко шло впередъ, къ проливу бухты Нагасаки. Вотъ уже и горы обрисовались, и въ миражѣ дымъ пароходовъ поднялся отвѣсно въ воздухъ, и островокъ съ бѣлымъ маякомъ обрисовался вправо. Публика, усталая, измученная голодомъ и морской болѣзнью, съ вытянутыми лицами и нетвердой посетупью вся высыпала на палубу, чтобы полюбоваться на красивѣйшее въ мѣрѣ мѣсто, на входъ въ бухту Нагасаки. Между тѣмъ лучъ восходящаго солнца скользнулъ по горамъ, и голубыя тѣни залегли въ долинахъ, и зеленыя рощи обрисовались на фонѣ пожелтѣвшихъ полей, и вся поверхность холмовъ заестрѣла культурной обработкой, какъ шахматная доска. Внизу она спускалась къ морю, гдѣ поясъ изъ розовыхъ скаль отражался въ зеркалѣ воды, прерываясь едва замѣтными шхерами. Тихой пристанью такъ и вѣяло отъ этихъ береговъ. Въ самомъ устьѣ пролива пароходъ остановился для санитарнаго осмотра и японскіе доктора, прибывшіе къ намъ на мѣдномъ катерѣ, осмотрѣли всѣхъ китайцевъ пассажировъ и нѣкоторыхъ изъ русскихъ, видъ которыхъ показался имъ болѣзненнымъ. По окончаніи осмотра, Монголія тихо вошла въ бухту, гдѣ открылась другая понарама города, тѣснившагося къ берегу и уходившаго вмѣстѣ съ нимъ въ глубь бухты. Масса гигантскихъ судовъ стояло въ этомъ природномъ портѣ, между ними выдѣлялись своей неряшливостью и странной оляповатостью два судна компаніи Прапорщиковъ. Оба они имѣли на бортѣ возвращающихся изъ плѣна на родину русскихъ солдатъ; желтыя лица послѣднихъ покрывались неуклюжими шапками и сѣрыя шенелишки едва прикрывали тѣла ихъ отъ утренняго холода. Среди порта стоялъ на якорѣ броненосецъ, японское флагманское судно, на которо адмиралъ Того такъ одурачилъ русскій флотъ подъ Портъ-Артуромъ. По ту сторону дымились трубы доковъ и въ одномъ изъ нихъ торчали мачты ремонтирующагося русскаго броненосца «Побѣда».

Поглащенная созерцаніемъ красотъ природы публика не вспоми-

нала о томъ, что происходило прошлой ночью, но нѣмецъ не дремалъ, и какъ только пароходъ остановился на якорѣ и публика стала интересоваться временемъ предполагающейся стоянки, онъ пустилъ слухъ, что Монголія не вынесетъ переѣзда до Владивостока, что винты безнадежно испорчены, что ходъ его былъ менѣе семи узловъ въ часъ, что онъ не можетъ сопротивляться сѣверному вѣтру, что прошлую ночь вода подходила подъ самые котлы, ожидался взрывъ котловъ и только чудомъ какимъ-то судно уцѣлѣло отъ гибели; что команда рѣшила оставить пароходъ, не въ силахъ будучи справиться съ водою, что матросамъ обѣщанъ двухдневный отдыхъ въ Нагасаки, что и теперь, во время стоянки помпы должны работать безпрестанно, иначе судно затонетъ въ портѣ. Слухъ этотъ какъ молнія облетѣлъ всѣхъ пассажировъ, нашлись люди заявившіе о семъ капитану, а когда онъ не обратилъ, повидимому, должнаго вниманія на заявленіе пассажировъ, а между тѣмъ предсказанія нѣмца начали сбываться: команда вся съѣхала на берегъ, а за ней послѣдовали и оба помощника командира, переодѣвшись въ цивильное платье, на предложеніе японскихъ угольщиковъ погрузить уголь пароходъ не отвѣчалъ; тогда рѣшили прибѣгнуть къ помощи русскаго консула и отрядили къ нему посольство съ требованіемъ, чтобъ Монголія была подвергнута техническому осмотру. Вскорѣ за тѣмъ разнесся слухъ, что Монголія идетъ въ докъ на четверо сутокъ, и всѣ успокоились.

Что оставалось дѣлать, какъ ни поѣхать на берегъ, посмотрѣть городъ. За гривенникъ съ человѣка мы съѣхали на берегъ съ «знакомыми» (у насъ уже были знакомые на пароходѣ) и отправились безъ цѣли бродить по набережной; мы были не изъ особенно предприимчивыхъ вояжировъ и держались въ виду парохода, другіе же путешествовали на горы и за горы на рикшахъ и велосипедахъ или вѣрнѣе съ ними, такъ какъ по горной мѣстности приходится больше тащить на себѣ бициклъ, чѣмъ сидѣть на немъ, но охота пуще неволи. Итакъ, проходя по набережной бухты, довольно чистенькой съ европейскими зданіями, мы заходили въ нихъ, чтобъ имѣть понятіе о жизни Японцевъ у себя дома, но намъ попадались все такія учрежденія, гдѣ сидѣли европейцы, а японцевъ было мало, такъ мы посѣтили отдѣленіе Русско-Китайскаго банка, контору нѣкогда бѣжавшаго изъ Россіи матроса Туровѣрова, нажившаго здѣсь капиталъ; гостиницу, содержимую какимъ-то грекомъ или евреемъ, гдѣ были номера по два рубля въ сутки и можно было за рубль имѣть столъ. Зашли наконецъ въ типографію, гдѣ кромѣ іероглифовъ и англійскаго алфавита былъ еще и русскій. Легенькія машины, какъ-то грязновато сдѣланныя (безо всякой шлифовки частей) и еще грязнѣе того содержимыя, работали

афиши, объявленія и печатали какую-то японскую газету. Мы поинтересовались видѣть работу съ русскимъ наборомъ, намъ подали одинъ листъ, оказалось „Воззваніе къ Русскому народу“, въ которомъ дурно прокорректированный текстъ увѣщевалъ русскихъ не давать денегъ своему правительству, такъ какъ оно то-то и то-то. Мы взяли другой листъ большаго формата, тамъ содержалась прокламація еще горшаго свойства. Интересно, кто даетъ Японцамъ такіе заказы?.. Наконецъ, когда мы порядочно уже устали бродить по улицамъ, въ видѣ отдыха знакомый предложилъ намъ зайти къ «отшельникамъ», проще сказать, къ бѣжавшимъ изъ Владивостока студентамъ, политиканамъ. Насъ эти заграничныя мыши еще болѣе удивили и утомили своими рсказнями о владивостокскихъ безпорядкахъ, и разнаго рода хныканьемъ на свободныя темы. Эти господа помѣщались вчетверомъ въ миниатюрныхъ комнаткахъ,—въ двухъ или даже одной, искали себѣ заработка на чужбинѣ и увѣряли, что въ Россіи «никакъ нельзя жить».

Ихъ подпольная дѣятельность насъ мало заинтересовала: «всякъ по своему съ ума сходить» подумали мы, спускаясь по широкой каменной лѣстницѣ, ведущей въ узкій переулокъ, «имъ кажется, что они кѣмъ-то гонимы, страдаютъ за какую-то правду, съ чѣмъ-то борются, а въ общемъ получается все та же мужичья лѣнь и безтолковая жизнь, безъ разумной цѣли, безъ программы»...

Остатокъ дня мы провели на пароходѣ, дѣлаясь впечатлѣніями видѣннаго: всякій рассказывалъ свою исторію,—кто бродилъ по полямъ и видѣлъ свѣжіе всходы растеній, кто осматривалъ католическій монастырь, кто заходилъ въ японскую школу (гдѣ всѣ говорятъ по французски;) и собирались на утро опять веселой толпой ѣхать на берегъ.

Весь этотъ день какъ и слѣдующій налуба парохода была наводнена японскими мелочными торговцами, которые за баснословно дешовую цѣну предлагали издѣлья изъ слоновой кости, черепахи, кожи, картона: вещи изыщныя и малоцѣнныя, большею частію относящіяся къ комнатной обстановкѣ. Торговцы со всѣхъ сторонъ окружали судно, карабкались по трапамъ, подымались на веревкахъ, подымали свой товаръ въ легкихъ деревянныхъ ящикахъ, обвязанныхъ камышовыми веревками. Такъ услужливо, такъ вѣжливо, съ такою веселой улыбкой они предлагаютъ свои товары, какъ будто у нихъ съ Россіей не было конфликта, и война не разстроила ихъ сосѣдственныхъ отношеній къ русскимъ. Здѣсь же маклера предлагали посѣтить ихъ рестораны, принималось бѣлье въ стирку съ ручательствомъ за сохранность и скорость выполненія

заказа. Сапожники снимали мѣрки, общаясь къ вечеру принести готовыми сапоги или штиблеты. Находились и такіе мастера, которые брались по даннымъ образцамъ изготовлять обувь какой угодно русской марки, въ томъ числѣ и «варшавскую». О качествѣ товаровъ ничего сказать нельзя было, но съ виду они удовлетворяли самому капризному вкусу, а стоили въ половину или даже менѣе той цѣны, которую привыкли мы платить въ Владивостокѣ. Для коммерсантовъ это находка, и теперь находятся еще охотники получать отъ японцевъ имитации на европейскіе товары, особенно на обувь, которую трудно различить даже въ носкѣ: все зависитъ отъ того, въ какую погоду придется зашивать ее, для сырой погоды японская обувь никуда не годится, но по сухому времени ее можно носить довольно долго, къ тому же она необычайно легка. Съ закатомъ солнца палуба парохода начинала пустѣть, а въ сумерки оставались на пароходѣ лишь пассажиры и то далеко не всѣ. Ночью къ Монголіи подошли паузки и началась съ ранняго утра разгрузка судна. Погода съ утра была тихая, но пасмурная, собирався дождикъ, на берегъ никто не поѣхалъ, кромѣ двухъ купцовъ, имѣющихъ какое-то тяжёлое дѣло съ одной сапожной фабрикой, пожелавшихъ свой искъ перенести въ консульство.

Время въ столовой залѣ проходило довольно однообразно. Всѣ пассажиры 1-го класса перезнакомились между собою, образовали отдѣльные кружки или группы, въ которыхъ и проводили время. Группа иностранцевъ, говорившихъ только по французски, занимала особый столъ, имъ такъ и завтракъ накрывали отдѣльно. Такой же привилегіи потребовала себѣ и группа русскихъ холостяковъ, проводившихъ время довольно шумно и не безъ водочки. Особенно потѣшалъ публику одинъ прикащикъ хлѣбной фирмы, то и дѣло за столомъ слышался его рѣзкій голосъ, онъ исполнялъ обязанности «перпетуумъ мобиле» и ни одной минуты не могъ посидѣть спокойно. Остроты, иногда довольно плоскія, такъ и сыпались во всѣ стороны отъ него; внѣшнимъ его отличіемъ было широкое плоское лицо, покрытое оспенными рябинами, развязныя манеры: онъ могъ (умѣлъ) заговаривать съ совершенно незнакомыми ему лицами, многіе сторонились его, но въ своемъ кружкѣ онъ былъ любимъ всеми, ему все прощалось, онъ слылъ за добраго малаго. Сегодня онъ былъ въ особенно приподнятомъ состояніи духа, а причиною тому послужилъ пропавшій чемоданъ. Пропалъ-то онъ еще въ Шанхаѣ при посадкѣ пассажировъ по каютамъ, а въ Нагасаки оказались слѣды его, оказались же такимъ образомъ. У ресторатора китайца были слуги китайцы и двое русскихъ подростковъ.

За какую-то провинность послѣднимъ было объявлено въ Шанхаѣ, что имъ дадутъ расчетъ какъ только пароходъ прибудеть въ Нагасаки. Сказано и сдѣлано: эти два офиціанта высадились утромъ тотчасъ по приходѣ парохода въ гавань, а вечеромъ съ берега на пароходъ заявился жидокъ съ товаромъ, среди котораго оказались вещи, бывшія въ пропавшемъ чемоданѣ. Еврея задержали, заставили его указать, отъ кого онъ товаръ получилъ; цѣлое посольство снарядилъ «рябой» для поисковъ за пропавшимъ добромъ и двумя воришками. Вещи не стоили того, чтобы о нихъ такъ заботиться, но надо же было какъ-нибудь скоротать время, къ тому же тутъ и дружба сказывалась, пострадавшій былъ изъ кружка собутыльниковъ. А ужъ сколько рѣчей, сколько благороднаго негодованія было потрачено, чтобы порисоваться такимъ пустякомъ; успѣхъ однако былъ чрезвычайный: по горячему слѣду нашли почти всѣ вещи, упрятали въ кутузку виновныхъ и лишь поздно вечеромъ сами вернулись на пароходъ.

Мы сказали о двухъ особыхъ столахъ, что же касается общаго стола, то за нимъ сидѣли лица разныхъ національностей и различнаго общественнаго положенія. Тутъ была почтенная чета нѣмецкаго булочника, король рулетки американецъ огромнаго роста, тучный и его компаніонъ, сильно на него похожій; нѣсколько русскихъ купцовъ, увѣрявшихъ, что русскихъ товаровъ для Россіи мало, что за границу вывозить ихъ не зачѣмъ, тутъ же сидѣли два грека, подрядчики на армію; наконецъ два китайца, сильно старавшіеся во всемъ походить на европейцевъ; сюда наконецъ присаживался иногда и командиръ парохода, чтобъ позавтракать въ обществѣ. А къ концу пребыванія нашего въ Нагасакахъ за тѣмъ же столомъ появилось еще нѣсколько новыхъ лицъ, два доктора, нѣсколько евреевъ, сіи послѣдніе въ качествѣ «соціалистовъ» возвращающихся «на родину».

На разсвѣтъ третьяго дня два японскихъ катера тащили уже разгруженное судно наше въ докъ № 2 для ремонта. Когда оно было осторожно введено въ фарватеръ элинга, ловкіе рабочіе быстро посадили его на сваи; не прошло и часа, какъ вода въ элингѣ понизилась подъ дѣйствіемъ паровыхъ насосовъ и судно открылось взору всею своею подводной частью. Осмотрщики, слесаря, чертежники быстро спустились подъ кормовую часть и принялись за работу. Погода была сырая, мелкій дождь сѣлся безпрестанно и было довольно холодно. А жизнь на суднѣ шла своимъ порядкомъ, по звонку собирались къ столу, вели разговоры о Японіи и японскихъ товарахъ, о политикѣ и о погодѣ, а послѣ обѣда «рябой» вздумалъ

вызвать оркестръ «изъ преисподней». Оркестръ явился въ столовую залу, загремѣла музыка, и какъ неумѣстна была она въ то время! — когда судно безпомощно висѣло на сваяхъ и въ винтовыхъ коробкахъ обнаружена большая течь, когда оказалось, что оба винта сильно обломаны, вмѣсто трехъ лопастей на каждомъ изъ нихъ осталось только по одной, и подходящаго формата лопастей не находилось въ портѣ, а на пароходѣ въ запасѣ оказалась только одна лопасть, недоставало же ихъ четыре и взять было негдѣ, когда всѣмъ стало ясно какой опасности подвергалось судно въ переходъ его отъ Шанхая до Нагасаки и что такая же опасность и впредь угрожала. Но музыка гремѣла и по палубѣ слонялась праздная публика, а тамъ внизу, на днѣ элинга труженики мастера работали всю ночь, — спиливали изломанныя лопасти, сверлили дыры для болтовъ, стягивали стальными обоймами распатавшіяся коробки винтовъ.

Много мыслей навѣвала эта музыка, и мыслей тяжелыхъ, особенно въ виду близости «Побѣды», этого живаго свидѣтеля нашихъ военныхъ неудачъ. Побѣда стояла въ сосѣднемъ элингѣ № 3, куда мы на другой день утромъ отправились.

Въ элингъ № 3 можно попасть двоякимъ способомъ, или по набережной бухты или же туннелемъ прямо изъ дока № 2. Мы избрали второй путь, какъ ближайшій и отправились туда утромъ, когда электрическое освѣщеніе еще не было потушено въ туннелѣ и масса школьниковъ торопливо пробирались на практическія занятія въ портъ. Среди огромнаго элинга нашъ (бывшій нашъ) броненосецъ «Побѣда» казался сѣрымъ отрепьемъ. Длинные сваи поддерживали его въ бока, трубы его изрѣшетены мелкой картечью, окраска сильно обтерта и мѣстами порыжѣла отъ ржавчины; разбито нѣсколько стеколъ въ иллюминаторахъ; гербъ на носу судна поврежденъ, отъ него осталось одно крыло и хвостъ; въ подводной части съ обѣихъ сторонъ видны пробоины отъ взрыва и вокругъ нихъ кишитъ народъ, — торопятся исправить броненосецъ, опускаютъ новые листы брони, вынимаютъ старые, поврежденные. Но въ общемъ судно представляется цѣлешенькимъ, оно какъ и многія русскія суда отдано Японцамъ безъ боя. По узкимъ мосткамъ можно было бы взойти на судно, но мы этого не сдѣлали: было слишкомъ тяжело смотрѣть, какъ праздная публика, дамы и дѣти японскія расхаживали по палубамъ, высовывались въ брусерахъ, заглядывали въ жерла нѣкогда страшныхъ орудій, и вообще вели себя свободно, какъ дома. На кормовой части чугунныя буквы гласили: «Побѣда», но чья побѣда, вотъ въ чемъ былъ вопросъ...

Къ полудню второго дня ремонтъ Монголіи былъ законченъ и

она вышла изъ дока, а мы были приглашены на семейный праздникъ въ домъ одного русскаго капитана, на крестины. Хозяинъ самъ былъ въ отлучкѣ, но гостей было много. Хозяйка индианка или малайка съ темносмуглымъ лицомъ и курчавыми волосами, дѣти такія же, старшему мальчику было уже лѣтъ одиннадцать. Гости, большею частію—дачники, здоровые «больные»; изъ нихъ одинъ былъ дѣйствительно больной, старикъ, разбитый параличемъ. Семейство капитана оказалось благочестивымъ, пріятно было совершать таинство крещенія въ такомъ семействѣ, гдѣ богобоязливая мать пріучила всѣхъ въ домѣ къ молитвѣ и почитанію святыхъ иконъ. Она говорила на чисто русскомъ языкѣ и писала по русски вполне грамотно четкимъ и твердымъ почеркомъ. За завтракомъ, послѣ крещенія, разговоръ шелъ о Японской православной миссіи, о томъ, что японскій православный священникъ не живетъ постоянно въ Нагасаки, а лишь изрѣдка пріѣзжаетъ сюда, чтобы помолиться съ двумя семьями православныхъ японцевъ здѣсь живущихъ; что во время войны здѣсь жилъ при госпиталѣ русскій священникъ, но теперь уѣхалъ и приходится для совершенія требъ пользоваться случаемъ, когда какой-либо священникъ проѣзжаетъ мимо или сопровождаетъ военноплѣнныхъ. Старичекъ паралитикъ оказался пріѣхавшимъ съ острова Сахалина, онъ много рассказывалъ о томъ, какъ и раньше, до войны, Японцы получали всю выгоду съ нашихъ рыбныхъ ловель, какъ готовится изъ рыбы удобреніе для полей, и о томъ, какъ Японцы завоевали южную часть острова.

Съ веранды дома, въ которомъ мы завтракали, открывался видъ на бухту и можно было наблюдать какъ къ концу завтрака небо заволокло тучами и поднялся вѣтеръ, бухта закипѣла, заволновалась и бѣлые верхи волнъ все чаще и чаще стали мелькать на темнозеленой поверхности водъ. Мы поспѣшили къ набережной, но было уже поздно: попасть на пароходъ было нельзя. Всѣ мелкія лодки и катера ушли въ подвѣтренную сторону и держались берега, никто изъ лодочниковъ не рѣшался ѣхать на средину бухты. Вѣтеръ разыгрался въ штормъ, на горахъ показалась сѣрая пелена снѣга; причудливой формы облака кружились въ горныхъ ущельяхъ, нависая ключьями надъ моремъ. Прибой волнъ съ шумомъ ударялся о гранитныя ступени набережной, обдавая брызгами прохожихъ, жавшихся отъ вѣтра и холода. На пристаняхъ подъ навѣсами и въ таможеннѣ всюду толпилась публика въ ожиданіи когда утихнетъ вѣтеръ, а ждать пришлось часа четыре. Только къ вечеру штормъ немного стихъ и лодочники стали принимать пассажировъ на свои шлюпки съ платою по два рубля съ человѣка за то же разстояніе, какое въ тихую по-

году оплачивалось гривенникомъ. Съ большимъ рискомъ принять холодную ванну, переѣхали и мы на Монголію, гдѣ шла погрузка угля. Нѣсколько широкихъ плоскодонныхъ баржей жались отъ вѣтра къ бортамъ Монголіи, угольщики, большею частію женщины и дѣти въ синихъ халатахъ и остроконечныхъ шапочкахъ, дрожа отъ холода, бросали на бортъ небольшія мягкія корзины съ углемъ и ловили обратно ихъ пустыми; работа шла быстро, безъ усталости. Уголь здѣсь хорошаго качества и отпускается на суда по пяти рублей за тону, такъ что всѣ суда стараются набирать побольше угля въ Нагасакахъ. За углемъ послѣдовала вода; ее привезли въ деревянныхъ баржахъ, гдѣ устроены насосы, подающіе воду по трубамъ прямо въ цистерны парохода, вода въ Нагасакахъ славится чистотой и пріятнымъ вкусомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хроника церковной жизни.

Ст. Пограничная. Въ воскресенье, 29 октября, послѣ долгаго перерыва по случаю ремонта храма, вслѣдъ за вечерней, отслуженной въ 4 ч. пополудни, состоялось внѣбогослужебное чтеніе. Священникъ Константинъ Цивилевъ прочиталъ и объяснилъ дневное Евангеліе—объ исцѣленіи Гадаринскаго бѣсноватаго (Луки 8 гл., 26—39 ст.), и на это-же Евангеліе сказалъ поученіе. Главная мысль поученія слѣдующая: Жители страны Гадаринской, погрязшіе въ грѣхахъ своихъ, просившіе Христа Спасителя уйти отъ нихъ и этимъ самымъ отказавшіеся отъ своего спасенія, напоминаютъ и намъ, какъ часто и мы, увлеченные мірскими заботами, отказываемся отъ своего спасенія и даже отъ призывовъ къ нему. По окончаніи поученія общимъ хоромъ былъ припѣтъ тропарь храмовому святому. Затѣмъ учитель С. Котляровъ прочиталъ изъ журнала «Воскресный день» № 35 статью «о сквернословіи». Чтеніе закончилось пѣніемъ «Достойно есть». Слушателей на чтеніи было до 35 человѣкъ.

Ст. Пограничная. Въ воскресенье, 5 Ноября, послѣ вечерни, отслуженной въ 4 часа пополудни, состоялось внѣбогослужебное чтеніе. Священникъ Константинъ Цивилевъ прочиталъ и объяснилъ дневное Евангеліе—объ исцѣленіи кровоточивой женщины и о

воскрешеніи дочери Іаира (Луки VIII гл. 41-56 ст.). Вслѣдъ за симъ имъ-же было сказано поученіе на текстъ псалма: „Свіеши (небеса) и измѣнятся; Ты-же тойжде еси и лѣта твоя не оскудѣють“ (псал. 101, 27 и 28 ст.). Главная мысль поученія въ краткихъ славахъ слѣдующая: Все въ мирѣ семъ, начиная отъ человѣка и кончая незначительной и самой послѣдней былинкой, временно и скоропреходяще, только одинъ Богъ среди всеобщей перемѣны, общаго разрушенія и непрерывной цѣпи рожденія и смерти остается всегда неизмѣненъ. Послѣ сего священникомъ-же были объяснены главныя священнодѣйствія литургіи вѣрныхъ. Слушателей на чтеніи и молящихся на вечернѣ было до 50 человѣкъ.

Ст. Пограничная. Въ воскресеніе, 12 ноября, послѣ обычной вечерни, отслуженной въ 4 часа пополудни, состоялось внѣбогослужбное чтеніе.—Священникъ Константинъ Цивилевъ прочиталъ и объяснилъ дневное Евангеліе—притча о милосердномъ Самарянинѣ (Луки 10 гл. 25—37 ст. ст.) и на это-же Евангеліе сказалъ поученіе. Главная мысль поученія въ краткихъ словахъ можетъ быть передана такъ: рѣчь іудейскаго законника, вопрошавшаго Спасителя, и дѣла, явленныя Самарянинамъ, побуждаютъ насъ меньше говорить, а больше дѣлать для блага своихъ ближнихъ.—Учитель Котляровъ прочиталъ статью изъ журнала «Кормчій» о необходимости общественнаго богослуженія. Чтеніе закончилось пѣніемъ догматика 8 гласа. Слушателей на чтеніи было до 40 человѣкъ.

Ст. Пограничная. Въ воскресеніе 19-го ноября, послѣ обычной вечерни, отслуженной въ 4 ч. пополудни, было чтеніе, на которомъ священникъ Константинъ Цивилевъ прочиталъ и подробно объяснилъ дневное Евангеліе.—По окончаніи-же объясненія сказалъ поученіе на заключительный текстъ Евангелія: «такъ собирай себѣ, а не въ Бога богатѣя» (Луки XII ст. 21). Главная мысль поученія слѣдующая: Всѣ богатства міра сего, собранныя вмѣстѣ, елики только употребляются на свои прихоти и удовольствія, а не служатъ лучшимъ средствомъ для исполненія заповѣди Христовой—помогать своимъ ближнимъ, не доставятъ намъ счастья на землѣ, а тѣмъ болѣе—спасенія нашей душѣ. Слушателей было до 25 человѣкъ.

Дневникъ веденный въ Пекинѣ
съ 1-го декабря 1830-го года.

(Продолженіе, см. вып. 42-43).

2-е Декабря. Вторникъ. Наканунѣ о. Аввакумъ самъ былъ у всѣхъ насъ и приглашалъ къ обѣденному столу по случаю его именинъ въ Успенскую обитель. Съ вечера приготовивъ письма и донесенія въ Азіатскій Департаментъ и Спб. Г. Г., поутру къ 9 часамъ сдалъ пакетъ съ надписью порусски и маньчжурски, — при ономъ я приложилъ крестъ, привезенный изъ Россіи, на коемъ финифть во многихъ мѣстахъ отбилась, прося Трибуналъ особеннымъ листомъ отъ себя переслать вмѣстѣ съ пакетомъ въ Россію. Захаръ Ѳелоровичъ по частнымъ сношеніямъ своимъ съ Трибуналомъ взялся на сей разъ похлопотать объ отправленіи онаго, для чего за нѣсколько дней по просьбѣ моей испрашивалъ у нач. отд. въ Трибуналѣ не будетъ-ли затрудненій на сей счетъ и получилъ благопріятный отвѣтъ. Такимъ образомъ, исключая З. Ѳ., всѣ мы отправимся въ Сѣверную обитель, по-китайски называемую Бэй-гуань, казаки также были приглашены. Вчера съ вечера находящіеся при нашемъ подворьѣ *бошки* приходили къ о. Архимандриту съ объявленіемъ, что завтрашній день насъ будутъ сопровождать отсюда полицейскіе служители, причемъ просили предварить меня о семъ и чтобы я не принялъ это для себя обиднымъ, что это дѣлается единственно для того, чтобы мы въ пути не имѣли безпокойства отъ многолюдной черни. Мы выѣхали въ 9 часовъ, день былъ холодный, съ сильнымъ сѣвернымъ вѣтромъ; хотя меня и предваряли о семъ, но я рѣшился ѣхать верхомъ вмѣстѣ съ Л.Х.М.. Впереди указывалъ путь верхомъ Ник. Иван., за нимъ 6 казаковъ при офицерѣ, за сими я съ Л.Х.М., за нами казакъ съ Христофоромъ и потомъ экипажъ о. Архимандрита и прочихъ господъ. Выѣхавъ верхомъ, я уже раскаявался въ принятомъ намѣреніи, ибо кромѣ холода сѣверный вѣтеръ дулъ чрезвычайно сильно и падалъ ужаснѣйшій снѣгъ, такъ что открыть глазъ было невозможно.

На улицахъ было весьма много народа, въ особенности у Сы-пай-ло. Полицейскіе бѣжали съ большими кнутами впереди и разгоняли народъ и повозки идущія навстрѣчу,—они смѣнялись отъ будки до будки,—съ большимъ трудомъ мы доѣхали въ 10 часовъ до Бэй-гуаня. Кто ѣхалъ верхомъ чрезвычайно перезябъ и перемарался отъ черной ѣдкой пыли. У меня насилу отошли руки и ноги. Выслушали еще обѣдню, которую соборомъ служили новый Архимандритъ со своими іеромонахами. Въ церкви много было албазинцевъ и женскаго пола. Храмъ Успенской обители такъ же хорошо отдѣланъ, какъ и Срѣтенской, но живопись мѣстныхъ образовъ гораздо хуже. Въ окнахъ слюда и потому отъ вѣтра поднимается большой шумъ. У воротъ собралось весьма много народа обоого пола изъ сосѣднихъ домовъ. По окончаніи службы мы пошли въ настоятельскіе покои; они хоть и въ миниатюрѣ, но со вкусомъ убраны. Албазинскій старшина и албазинцы Николай и отецъ маленькаго Луки также пришли сюда и были приглашены къ обѣду. Вскорѣ послѣ сего доложили о приѣздѣ двухъ сыновей пристава Россійскаго Посольскаго дома Вэнь-сянь-люе,—приказали просить. Старшему 17, а меньшему 16 лѣтъ,—оба похожи на отца и довольно благовидной наружности, они были очень хорошо одѣты, на шапкахъ имѣли вызолоченные шарикки, въ обращеніи весьма учтивы. Старшій посаженъ былъ на второе мѣсто, я же, какъ былъ и старшій годами, занималъ первое, младшій по правую отъ меня сторону, съ ними были два учителя или дядьки. Мы ограничивались самыми обыкновенными свѣтскими разговорами. Напившись чаю, они испрашивали позволенія осмотрѣть обитель. О. В. показывалъ имъ церковь и всѣ зданія при оной находящіяся. По осмотрѣ они пришли проститься. Прощаясь и изъявилъ имъ желаніе видѣть ихъ и впредь въ стѣнахъ обители и просилъ свидѣтельствовать мое почтеніе ихъ родителю, коего благосклонностью пользовалась наша прожившая здѣсь 10 лѣтъ Миссія. Затѣмъ послѣдовалъ обѣдъ, а послѣ онаго я самъ ходилъ по обители, заходилъ въ албазинское училище. Ученики всѣ были въ сборѣ, разныхъ возрастовъ, нѣкоторые по наружности кажутся довольно способными. Подлѣ ихъ училищной комнаты живетъ въ небольшой со стеклянными дверьми комнатѣ учитель съ сыномъ. Я, Ф. А. и О. В. зашли къ нему и были угощены чаемъ. Погода была слышкомъ холодна и вѣтрена, а потому я и не могъ осмотрѣть всего со внимательностью, между тѣмъ въ настоятельскихъ покояхъ набрали десертъ и пригласили насъ къ нему, но такъ какъ было уже поздно, т. е. около 4 часовъ, то мы и послѣшили перехватить кое-чего, чтобы засвѣтло еще возвратиться въ Срѣтен-

скую обитель съ А. П., а о. В., о. Ав. и причетники остались здѣсь. О. П. уступилъ мнѣ свою карету, — тѣмъ-же порядкомъ прибыли мы домой, но съ большимъ покоемъ. Вѣтеръ хотя еще и дулъ, но несравненно слабѣе и не противъ, но въ задъ; къ вечеру обыкновенно народа не такъ много на улицахъ, какъ днемъ, а потому мы могли ѣхать гораздо скорѣе. Захаръ Θεодоровичъ явился въ Успенскую обитель уже послѣ обѣда, — въ Трибуналъ нач. отд. благосклонно принялъ мое прошеніе вмѣстѣ съ пакетомъ и посылкою закупоренною въ ящикѣ обшитомъ клеенкою и обѣщали по докладу С. Н. отправить сіе все по надлежащему въ Россію. При семъ случаѣ писецъ, желая получить что-нибудь, высказывалъ, что прежде не было примѣровъ, чтобы отправлялись отсюда через Трибуналъ посылки, но З. Θ. отразилъ сіе притязаніе, объявленіемъ, чтобы онъ замолчалъ. Въ сей разъ я замѣтилъ то же корыстолюбіе въ албазинцахъ, какое обладаетъ и одушевляетъ китайца. Отецъ м. Луки приводилъ его къ намъ и о. А. П. подарилъ малюткѣ $\frac{1}{8}$ серебра. Спустя нѣсколько минутъ является и другой тоже съ ребенкомъ. О. П. хотѣлъ и сему дать, но у него не случилось, мы дали дитяти фруктовъ и отецъ тотчасъ его увелъ.

3-го Декабря 1830 года. Среда. Послѣ обѣда сего числа приходилъ нарочно со мною познакомиться бывшій учитель Манчжурско — Россійской школы — Шуминъ. Я принялъ его у о. А. Петра въ покояхъ. Шуминъ, желая похвастать знаніемъ своимъ въ русскомъ языкѣ привѣтствовалъ меня по-русски: — «здравствуйте г. маіоръ». Разговоръ начался обыкновенными вопросами, благополучно-ли мы совершили путь и пр.. Въ заключеніе онъ надѣлалъ мнѣ тьму комплиментовъ насчетъ моей наружности яко — бы обѣщающей весьма монго. При семъ случаѣ разговоръ коснулся бывшей войны Россіи съ Турціей и съ Персіей, о коей онъ слышалъ прежде. О. А. показалъ ему присланный отъ П. Θ. портретъ Хозрева Мирзы. Шуминъ тотчасъ взялся читать написанное объясненіе внизу онаго о причинѣ прибытія внука Шахова и рѣчь его. Онъ прочелъ нѣсколько строкъ довольно изрядно, но ни слова не понялъ. К. Г. перевелъ ему вкратцѣ или лучше сказать изъяснилъ нѣкоторымъ образомъ, не упоминая о настоящемъ дѣлѣ. Выпивши рюмку наливки, Шуминъ сталъ осыпать похвалами О. А., просить меня, чтобы я постарался о его вознагражденіи и изъявлялъ признательность свою за всѣ его одолженія, коими онъ пользовался, даже признавался, что и повышеніемъ онъ обязанъ ему; описывая вышесказанное мнѣ съ жаромъ, Шуминъ сдѣлалъ предо мною колѣнопреклоненіе, означающее его покор-

нѣйшую просьбу и расплакался, сожалѣя, что онъ долженъ скоро разстаться съ своимъ благодѣтелемъ. И дѣйствительно наши, въ особенности о. Ар., выручали его не разъ изъ бѣды переводами за него бумагъ, присылаемыхъ и отъ нашего Правительства въ Трибуналъ. Нѣкоторыя важныя бумаги изъ Трибунала давали Шумину для перевода на срокъ, и онъ всегда прибѣгалъ къ о. Ар., который всегда вспомоствовалъ незнанію его въ семъ случаѣ.—Я принялъ было его признательность за искреннюю, но послѣ меня увѣрили, что Шуминъ большой лицемеръ и весьма лукавый и неблагонадежный.—Шуминъ спрашивалъ меня объ Е. Ф. Тимковскомъ и радовался его повышенію. О. Ар. рекомендуетъ меня здѣсь чиновникомъ 4-й степени, или по-китайски *сытинъ*, равняющейся настоящему моему чину. Въмѣсто 28 лѣтъ мнѣ сказываютъ здѣсь 35, ибо старшіе пользуются большимъ уваженіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СОДЕРЖАНІЕ: Кто нерадитъ объ изученіе св. Писанія, тотъ удаляетъ отъ себя спасеніе.—Французскія католическія миссіи въ девятнадцатомъ столѣтіи.—Переѣздъ изъ Пекина въ Или (путевой дневникъ Китайскаго Вельможи Ци-хэ-чао, сосланнаго въ Или).—Морское путешествіе.—Хроника церковной жизни.—Дневникъ веденный въ Пекниѣ съ 1-го Декабря 1830-го года.

7) Пейтаховская, основанная въ 1899 г., разруш. въ 1900 г. Вновь возстановлена въ 1901 году.	{ Штата не положено.
8) Тяньцзинское отдѣленіе миссіи, основано въ 1904 г. Церковь-вагонъ во имя Покрова Б. М.	
9) Шанхайское отдѣленіе миссіи, съ церковью и школой. Основано въ 1901 году.	{ Завѣдующій членъ духовной миссіи, іеромонахъ Симонъ (Виноградовъ). Его помощникъ З. Г. Поповъ.
10) Юнпинфуское (губ. г. Юнпинфу) отд. Миссіи. Основано въ 1904 г., съ церковью и школою.	{ Діаконъ-китаецъ Михаилъ Танъ.
11) Таинское (г. Таинъ) отдѣленіе Миссіи. Основано въ 1904 году.	{ Штата не положено.
12) Отд. Миссіи въ Вэй-хуй-фу, основано въ 1905 г.	{ Завѣдуетъ Сергій Савиновъ.
13) Урумцы, главный городъ провинці Синь-цзянь. Церковь предположена къ постройкѣ. Штатами 1903 года положено:
священникъ, съ оклад. жалов. въ 1200 руб.
псаломщикъ, 700 «	{ іеромонахъ Николай (Алексѣевъ)
Павель Шевченко.
14) Благовѣщенская миссіонерская церковь на Пристані-Харбинъ, освященная въ 1903 г.	{ Завѣдующій Архимандритъ Авраамій, іеромонахъ Христофоръ, іеромонахъ Амвросій, іеродіаконъ Сергій.
15) Иннокентіевская миссіонерская церковь-баракъ на ст. Маньчжурія, основанная въ іюль 1902 г.	{ іеромонахъ Діонисій.
16) Отдѣленіе миссіи на ст. Хайларъ. На отвѣденномъ мѣстѣ предположена постройка церкви.	{ Штата не положено.
17) Пекинское подворье въ гор. С.-Петербургѣ, Воронежская, д. № 110. Основано въ 1903 г.	{ Завѣдующій членъ миссіи іеромонахъ Василій и студентъ Петербургской академіи, Свящ. Александръ Триденцевъ.

Церкви приходскія:

1) Св.-Серафимовская на ст. Маньчжурія церковь-школа, освященная 6 Ноября 1903 г.
Окладъ годового содержанія:
священнику 1980 руб.
псаломщику 900 «
сторожу 360 «	Свящ. Андрей Пѣтелинъ.
Церковникъ Георгій Бариньковъ.
2) Преображенская церковь на ст. Хайларъ.
священнику 1980 руб. въ годъ
псаломщику 900 «
сторожу 360	Свящ. Василій Борисоглѣбскій.
діаконъ Илья Архангельскій.
Иванъ Егоровъ и Михаилъ Стрекневъ (нижн. чины ж.-д. баталіона).
3) Св. Царицы Александры на станці Бухэду церковь-школа, освященная въ 1902 году
Окладъ содержанія:
священнику 1980 руб.
псаломщику 900 «
сторожу 360 «	Священникъ Александръ Ониккинъ
Николай Бѣляковъ.
Павель Гнѣдышъ.
4) Св. ап. Петра и Павла на ст. Цицикаръ церковь-школа, освященная 4 ноября 1903 г.
Окладъ содержанія:
священнику 1980 руб.
сторожу . . 360 «	Свящ. Константинъ Лебедевъ.
Борисовъ.
5) Св.-Николаевская церковь въ гор. Новомъ Харбинѣ. Освящена 5 декабря 1900 года.	

- Окладъ содержанія:
старшему священнику 2500 руб.	Свящ. Леонтій Пекарскій, онъ же Благочинный желѣзно-дорожныхъ церквей въ Маньчжуріи.
второму священнику . 1980 «	Свящ. Іоаннъ Володковичъ.
діакону 1500 «	Діаконъ Порфирій Петровъ.
псаломщику 900 «	на долж. псал. діаконъ Алексѣй Васильевъ
сторожу 360 «	Иванъ Воротниковъ.
- 6) Ст. Яомынь, штатъ съ 1906 года.
 священнику 1200 р.
 сторожу . . . 360 «
- 7) Св. Сергіевская на станціи Имяньпо церковь-школа, освященная 19 декабря 1901 года.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1980 руб. священникъ Иннокентій Пѣтелинъ.
 псаломщику 900 « діаконъ Георгій Писаревъ.
 сторожу . . . 360 « Тихонъ Довбичъ.
- 8) Введенская на станціи Ханьдаохэцзы церковь-школа, освященная 1 ноября 1903 года.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1200 руб. Священникъ Іаковъ Крахмалевъ.
 псаломщику 900 « Вакасія.
 сторожу . . . 360 « Георгій Гиць.
- 9) Св.-Николаевская на стан. Пограничной церковь-школа, освященная 21 декабря 1901 г.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1980 руб. Священникъ Константинъ Цивилевъ.
 псаломщику 900 « Григорій Загоруйко.
 сторожу . . . 360 « Принутневъ.
- 10) Чжалайнорскія копи. Священ. 1200 руб. Свящ. Іоаннъ Савватѣевъ.
 Псаломщикъ 900 руб. К. Димитріевъ.
- 11) Св.-Николаевская походная церковь-баракъ въ усадьбѣ старый Харбинъ. Освящена 12 марта 1899 года.
 Окладъ содержанія:
 священнику 1800 руб. Свящ. Сергій Брадучанъ.
 вольнонаемному церковнику 400 « Ромашкинъ.

**„Извѣстія Братства Православной Церкви въ Китаѣ“
 выходятъ по два выпуска въ мѣсяцъ.**

Подписная цѣна—3 руб. въ годъ, цѣна отдѣльнаго выпуска 15 коп.

Адресъ: Пекинъ, Редакція „Извѣстій Братства Православной Церкви въ Китаѣ“.

За редактора Геромонахъ
 Симонъ.

Печатать дозволяется.
 Епископъ Иннокентій.